

укрепления единства российской нации: материалы всероссийского научно-практического форума с участием зарубежных ученых «Проблемы укрепления и поддержания гражданского единения в регионе: философско-культурологические, искусствоведческие и религиоведческие аспекты», (Пермь, 17-19 сентября 2014 г.). В 2 ч. Ч. 2. Пермь, 2014. С. 168–172.

9. Чернышкова З. Е. Methodological problems in the research of new religious studies / З. Е. Чернышкова // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 5. № 4. С. 528–534.

М. Г. Писманик

ТЕМА РЕЛИГИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ Д. В. ПИВОВАРОВА

Аннотация. Очерк о религиозной теме в исследованиях выдающегося российского философа Д. В. Пивоварова.

Ключевые слова: религия, культура, синтетическая парадигма, толерантность.

Энциклопедичный кластер научных исследований, осуществленных выдающимся отечественным философом Д. В. Пивоваровым, отражен в более чем в 600 научных публикациях (сорок из них – монографии). Кластер содержит более десятка тщательно и поистине фундаментально охваченных, проблемных блоков. Таковы: идеальное и идеал; операциональный аспект знания; метод экстраполяции; визуальное мышление в науке и изобразительном искусстве; неравновесные системы; элементарный объект и элементаристский подход; диалектика субъекта и объекта; иррациональное в бытии и познании; структура и содержание культуры. Проблемный круг также включал в себя три темы, касающиеся извечной иррациональной компоненты духовного мира человека – религия в основании культуры; вера и знание; наука и религия.

В каждый из названных проблемно-философских блоков Даниил Валентинович внес собственные, оригинальные и весьма конструктивные, теоретико-методологические идеи. Их реальная значимость, на наш взгляд, еще недостаточно осмыслена и не оценена. Коллеги особенно выделяют заслугу Даниила Валентиновича в разработке синтетической концепции идеального и в создании научной

школы «Синтетическая парадигма в философии». Вполне разделяю их суждение. Концепция хорошо работает и в теме религии: синтетическая парадигма особенно действенно втягивает религию в панораму культуры, придавая религиоведению дополнительное измерение, а вместе с ним – солидный импульс к более конструктивной динамике.

Тема религии, на мой взгляд, субъективно была наиболее близка Даниилу Валентиновичу. Правда, он довольно длительно медлил, не придавая ей должного внимания. Обстоятельно обратился к ней лишь к началу восьмидесятых годов, став уже зрелым и признанным ученым [1]. Мотив промедления не ясен. Скорее всего, оно было обусловлено тем, что в советские годы тема была скомпрометирована официозной, во многом ненаучной, но весьма амбициозной дисциплиной под названием «научный атеизм». Официоз подавлял интерес (прежде всего, молодежи) к религии, он даже изгонял религию из культуры. «Научный атеизм» все более явственно противостоял не только действительным реалиям мировой и отечественной культуры, но и умонастроениям значительной части отечественной интеллигенции. Впрочем, быть может, промедление Даниила Валентиновича по отношению к далее ставшей ему наиболее близкой теме, было вызвано иной причиной. Точно не знаю: поначалу общались мы лишь эпизодически. Было это где-то в середине восьмидесятых – встречались на проходивших в Свердловске, Москве и в других городах научно-философских конференциях. К тому времени, он все более заметно и последовательно склонялся к религии. Я, разумеется, был чужд безбожной воинственности, но тоже последовательно, уже со школьной скамьи, убежденно держался материализма. Держусь поныне и не менее толерантно. Тогда же, чаще всего, мы полемизировали между собой именно о религии. Скорее, это была не полемика, но именно толерантный, очень содержательный и даже дружественный диалог. Мы не опускались к бессмысленным и, как правило, экзальтирующим оппонентов спорам о Боге. Основной в нашем диалоге была более содержательная, безмерно более важная и особенно противоречивая проблема о реальном месте и роли религии в культуре. Наши мировоззренческие позиции отнюдь не совпадали, но встречи были конструктивны. Они взаимно обогащали обоих и были весьма желанны. Очный и частый мысленный диалог с ним стимулировали мое нарастающее внимание к этой проблеме и к последующей разработке публикаций и учебных пособий по ней [2].

Близилась «перестройка», в сознании ученых-гуманитариев с особой остротой нарастало ощущение кризиса властвующей идеологии, а совместно с ней – и воинствующего безбожия. С присущей ему

искренней и веской критичностью, Даниил Валентинович интеллигентно и в то же время энергично, включался во всё более частые и насыщенные дискуссии по упомянутой теме относительно назначения религии в культуре. Соображения о далее не допустимой идеологической воинственности и, особенно, об уже назревшей крайней нужде в кардинальной перестройке отечественного религиоведения, – пролизывали его умонастроения, выступления на научных конференциях и (насколько мне известно) лекции перед студентами. Эти соображения отражались и в новых его статьях о религии и религиоведении [3]. «Религиозный ренессанс» в стране он воспринял как объективную закономерность. Именно в эти годы к нему приходит искреннее увлечение новой мировой, необычайно гуманной, открытой, в чем-то даже непосредственно-наивной, но в то же время поразительно толерантной религией бахаи. Хотя позднее Д. В. Пивоваров войдет в родное православие, но он не склонится к узкому конфессионализму и не изменит расположению к бахаи. Толерантность его была надконфессиональной.

Демократичный, проницательный, необычайно эрудированный и тактичный, – этот обаятельный уникум стал для меня особенно близким коллегой. С наступлением «нулевых» мы общались уже сравнительно регулярно. Дело в том, что Даниил Валентинович стал неперменным и особенно нам желанным гостем девяти целевых, прошедших в Перми с 2002 по 2014 гг. международных и всероссийских научно-практических форумах и симпозиумах. В этих мероприятиях принимают участие светские и религиозные ученые [4]. Здесь протекают креативные диалоги по проблемам возрождения духовности и формированию толерантного единения россиян. Даниил Валентинович тут всегда оказывался в центре возникавших оживленных и плодотворных дискуссий [5]. Разумеется, не во всем участники форумов – богословы и религиоведы – соглашались с ним. Так, страстные споры вызвал его тезис об едва ли не полной совместимости и взаимном дополнении религии и науки. Но по ходу полемики, его остроумные, любопытные и подчас даже неожиданные, но всегда глубоко аргументированные доводы понуждали аудиторию (и меня, конечно) к значительно более строгим и веско обоснованным суждениям о назначении религии в культуре, истории и текущей современности. Сакральный феномен в совместных форумах светских и религиозных ученых форумах, как правило, обретал новые, ранее нами не улавливаемые грани и краски. Становилось все более отчетливым понимание необходимости религии для возрождения отечественной духовности.

Тем временем, за первой его скромной религиоведческой публикацией последовали, все более весомые, около сотни других статей, несколько брошюр [6] и семнадцать солидных монографий [7]. Как известно, уже в 1986 г. Даниил Валентинович основал и в течение тридцати лет, вплоть до своей безвременной кончины, возглавлял в УрГУ кафедру религиоведения, ставшую по этой дисциплине одним из наиболее продуктивных и авторитетных в стране научных центров. Многие десятки выпускников кафедры и не менее десятка питомцев, действующих при кафедре аспирантуры и докторантуры сегодня успешно трудятся на ниве религиоведения и в структурах, с религией связанных. Сам же основатель кафедры довольно быстро вошел в число наиболее авторитетных и особо часто цитируемых отечественных исследователей религии. Его публикации не ординарны. Уверенно владея классикой по философии и религии, он внимательно также следил за современными отечественными и зарубежными религиоведческими исследованиями. Соответственно, каждая его публикация была щедро оснащена сносками на наиболее представительные источники религиоведения.

Данный очерк намеренно мной начат с упоминания энциклопедичного кластера исследований Даниила Валентиновича. Именно благодаря столь глубокому проникновению в философию, науку и методологию, – вклад Д. В. Пивоварова в религиоведение стал фундаментальным, систематическим и многосторонним. Его лепта в нашу дисциплину весома как раз потому, что религию он постигал в обзоре своего энциклопедичного кластера, базируясь на синтетической парадигме, объединяющей философию, культурологию и религиоведение. Дерзостно и последовательно Даниил Валентинович стремился постигнуть *ирреальность* религии, обозреть и осмыслить ее поистине *визуальным мышлением*.

Эту визуальность он обрел потому, что вошел в религию отнюдь не экзальтированным неопитом, но глубоко осознано, в философском всеоружии и в постижении синтетичной парадигмы. В одно время с большинством других ведущих отечественных коллег, отойдя от партийной властью навязанных установок диамата, он – уже вполне свободно, – продолжил плодотворное служение философии. При этом, как уже сказано, в отличие от многих других коллег, он все решительнее склонялся к сакральной вере. И погрузился в самое религию. Погрузился, на мой взгляд, отнюдь не всецело и не замкнувшись в культе. Но уже во многом он интериоризует спиритуальные ориентации, пристрастия и оценки. Теперь он озирает религию (почти ее *осаяя*) уже не со стороны, но *изнутри*. Отныне (как

и в сознании многих других верующих ученых) рационально-светское и иррационально-религиозное причудливо и двойственно, но вполне естественно, — перемежаются как в его мировидении, так и в его подходе к религиоведению.

Вполне явно этот подход впервые представлен в двух начальных разделах совместной Д. В. Пивоварова с А. В. Медведевым монографии «История и философия религии» (2000). В них еще не вполне развернуты основные доводы, но концептуальный подход уже системно-философичен и насыщен обильным сопоставлением понятий, экскурсами к содержанию и установкам разных мировоззрений и вероисповеданий. В последующих публикациях (особенно, в остальных монографиях Даниила Валентиновича) эти аргументы стали значительно философичней, более логически отточенными и заметно внушительнее как для верующих и колеблющихся в вере, так и для придерживающихся материалистического миропонимания. Но в данном очерке, я прикоснусь лишь к той упомянутой монографии, оставив другие его религиоведческие описания для более обстоятельного осмысления и более веских публикаций.

Первый раздел в монографии — «Религия и ее роль в культуре» — отчетливо академичен. Религию он здесь определяет как бы силуэтно и абстрактно-теологически. Она предстает как способ восстановления и воспроизводства связи человека с Богом. Далее перелагаются традиционные богословские доводы в обоснование Его существования. Главное же, — в этом разделе особо обстоятельно и уже полемично обосновывается богословский тезис о религии как истоке и основании культуры. При этом, на мой взгляд, в его сакральном пристрастии, недооценены и на деле заметно упрощены сильные доводы многих историков, этнологов, философов и культурологов, выводящих историю культуры (а с ней, и саму религию) из вполне земных реалий. Любопытный штрих: в обоснование тезиса о позитивной природе религиозного прогресса, а также и в соображении о становлении мировой культуры, Д. В. Пивоваров в числе других аргументов, привносит наивные резоны из вероучения бахаи. Его логические построения относительно общечеловеческих ценностей культуры тоже пронизаны религиозным пристрастием. Что тоже любопытно: в этих построениях Даниил Валентинович местами (например, относительно этнического фактора в ценностях) все же отставляет теологию в сторону и оперирует вполне светскими аргументами.

Второй раздел монографии — «Духовный мир верующего» уже не столь академичен и полнее базируется на лично обретенном сакральном опыте Даниила Валентиновича. Здесь, в более глубинном

философском и психологическом обзоре, он оперирует уже не академичным *силуэтом* духовной сущности. Оперирует обретенный им в сакральном (лишь отчасти вербализируемом) опыте чувственно-наглядно ему явленный *образ* этой духовной сущности. В сакральной этой метаморфозе обнажаются некоторые скрытные грани духовной сущности. Она обретает некие телесные очертания и окраску, особенно обогащающие религиоведение в постижении граней и свойств своего предмета. Обогащается при этом и сам тезаурус нашей дисциплины. В этом разделе представлены категории духа и души, понятия веры и знания. Коллегами-религиоведами особенно ценимо блестяще осуществленное Д. В. Пивоваровым разделение faith- веры и belief-веры.

Заключительная глава «Сближение науки и религии» этого раздела монографии побуждает как религиозных, так и светских наших читателей-сограждан к особенно глубоким и креативным размышлениям. И к толерантному взаимопониманию. Именно к этому столь весомо и искренне стремился наш выдающийся российский философ Даниил Валентинович Пивоваров.

Примечания

1. Самая первая его публикация на эту тему еще ориентирована антирелигиозно – «Вытеснение религиозного мировоззрения как важный элемент социальной политики в условиях развитого социализма» / «V Уральские социологические чтения: проблемы молодежи». Уфа, 1984. (Соавт. В. А. Андрусенко).
2. Так, под моей редакцией позднее вышли «Религия в истории и культуре». Региональное учебное пособие для учителей, студентов педагогических учебных заведения и учащихся-старшеклассников. Пермь, 1995; «Религия в истории и культуре». Федеральный учебник для вузов. М., 1998; «Религия в истории и культуре». Второе, дополненное и переработанное издание. М., 2000.
3. «О перестройке научного атеизма в условиях научно-технического прогресса» / Научно-технический прогресс и творчество. Ижевск, 1987; «Концептуальная перестройка теории научного атеизма» / Стратегия ускорения и философская наука. Пермь, 1988. Пауза в три-четыре года между первой и этими статьями, вероятно, и означала временной этап его собственной глубокой мировоззренческой перестройки.
4. В одном из этих форумов (2006 г.) принял участие всемирно известный немецко-швейцарский теолог Ганс Кюнг.
5. Приглашением на десятый форум, минувший в конце 2015 г., он, к большой досаде, не смог воспользоваться из-за внезапно назначенных обязательных заседаний в УрГУ. Участники предстоящего

в Перми. очередного, одиннадцатого форума (ноябрь с. г.) с горечью сожалеют о роковом, на этот раз, его отсутствии. Здесь только сможем с особой теплотой помянуть незабвенного нашего коллегу...

6. Дух, душа и смысл жизни человека (Философия религии). Екатеринбург, 1993; Религия как социальная связь (Сакрализация основания культуры). Екатеринбург, 1993; Вера и знание в религии и науке. Екатеринбург, 1994; Религиозная символика. Оренбург, 1996. (Соавт. Андрусенко В. А., Донковцев Г. П.); Основные религиозные символы. Екатеринбург, 1997.

7. Вера и знание в религии и науке. Екатеринбург, 1994; История и философия религии (в соавторстве). Екатеринбург, 2000; Бог, пророк, церковь. Екатеринбург, 2002; Душа и вера. Оренбург, 2003; Язык религии. Целостный человек: христианская традиция (в соавторстве). Екатеринбург, 2005; Екатеринбург, 2006; Философия религии. М.–Екатеринбург, 2006; Сакральный символ в языке религии (в соавторстве). Екатеринбург, 2006. 2-е изд. – Saarbrucken, 2011; Визуальная сущность религии (в соавторстве). Красноярск, 2006; Гносеология религии. Екатеринбург, 2009; Онтология религии, СПб. 2009; Праксиология религии. Екатеринбург, 2010; Краткая история западноевропейской философии религии (XVII–XIX вв.). Екатеринбург, 2012; Идея Бога в философии религии. Екатеринбург, 2012; Культура и религия: сакрализация базовых идеалов. Екатеринбург, 2013; Вера бахаи, история, верование, культ. Екатеринбург, 2014; Наука и религия. Гносеологические очерки. Екатеринбург, 2014; Faith-вера и belief-вера. (Анализ феномена веры в аспекте философии религии). Saarbrucken, 2014.

Т. А. Рунева

БИОГРАФИЯ КОЛОСНИЦЫНА ВСЕВОЛОДА ИВАНОВИЧА (1929-2000)

Колосницын Всеволод Иванович (1929-2000) родился 11 июля 1929 г. Доцент, кандидат философских наук. Окончил историко-филологический факультет Уральского государственного университета им. А. М. Горького в 1953 г. Работал в общеобразовательной школе Свердловска, в Свердловском книжном издательстве, на кафедре философии Свердловского горного института. В Уральском университете начал читать цикл лекций по классической филологии в 1950 г. В 1963 г. перешел в университет на постоянную работу. С 1967 г. – старший преподаватель кафедры этики, эстетики и научного атеизма